

Он обязательно найдёт время, чтобы расспросить его о том, что же на самом деле с ним произошло.

После того как расчленённое тело опустили внутрь, языки пламени стали ярко-алыми. Этот алый цвет не был похож на обычный красно-оранжевый оттенок, скорее напоминая цвет кровавого моря. Если в преисподней существовали бескрайние океаны, застывшие из запекшейся крови, то этот путь явно вел туда. Раздался нарастающий треск. Никакого запаха палёного человеческого мяса не чувствовалось — напротив, стоял аромат раскалывающихся на части сухих поленьев.

Тао Шаньцзэ думал, что ему уже доводилось видеть кровавое море и нечто подобное по цвету, хотя, возможно, всё это было лишь в сборниках историй.

— Что ты творишь? Почему до сих пор не отнёс угощение!

Длинная древесная лиана свирепо хлестнула Тао Шаньцзэ по телу. Тот ещё не успел толком почувствовать боль, как услышал голос Чи Мэя:

— Он здесь новенький, ещё ничего не понимает, не судите его строго, пожалуйста.

Древесный дух остался доволен. Он помешал половником суп в котле — в нём варилось непонятно что.

— Ладно уж, этот малец хотя бы умеет говорить.

Чи Мэй аккуратно взял поднос и взглядом велел Тао Шаньцзэ следовать за ним.

Внезапно древесный дух громко крикнул:

— Эй, этот травяной дух, а ну стой!

Шаги Тао Шаньцзэ замерли, сердце едва не выпрыгнуло из груди.

Чи Мэй наконец-то понял, что я красивый

Переживания

Старый древесный дух резко взъерошил бороду, и в тот же миг из его тела во все стороны вырвались ветви длиной в несколько чжанов. Они молниеносно обвились вокруг Тао Шаньцзэ, напоминая змеиные кольца, но действовали мягко и осторожно, совсем не угрожающе. Ветви покружились у него на груди, но тут же, в одно мгновение, втянулись обратно.

— Подумал было, что это старый знакомый, но, видно, я совсем выжил из ума. Спустя тысячу лет тот, кто равен мне по возрасту, никак не мог бы сохранить облик юноши. Будь ты как он, давно бы уже наслаждался беззаботной жизнью небожителя на Девяти Небесах, с какой стати тебе было бы прозябать здесь в услужении.

Древесный дух прожил уже больше тысячи лет, однако до сих пор оставался обычным ёкаем, чей срок жизни подходил к концу.

Дождавшись, пока тот закончит, Тао Шаньцзэ выровнял дыхание, удержал рвавшегося вперёд Чи Мэя и, глядя в мутные глаза старика, почему-то не почувствовал ни капли страха — напротив, старик и впрямь казался ему давним знакомым, как и утверждал сам.

Когда Чи Мэй вытащил его наружу, Тао Шаньцзэ всё еще был сам не свой.

— Мне кажется, я и правда видел его раньше.

— Всего лишь ничтожный древесный демон с парой сотен лет практики. Мне стоит лишь выпустить клубок пламени, как от него не останется и следа! — Чи Мэй кипел от гнева. В тот момент, когда лианы демона оплели Тао Шаньцзэ, в груди Чи Мэя вспыхнуло такое яростное пламя, что ему безумно хотелось раскрыть свою истинную сущность Бай Цзэ, разорвать этого старика когтями и прихлопнуть на месте!

Того, кого он, Чи Мэй, взял под свою защиту, смел обижать только он сам!

— Что за бред ты несешь? Ты что, демон? Ещё и огонь умеешь пускать? — Тао Шаньцзэ вздохнул, совершенно обескураженный подобными фантазиями. — Должно быть, где-то произошел сбой, иначе змеиный демон не мог ошибиться. Но сейчас лучше подумать о том, как отсюда выбраться — у меня еще столько эссе не повторено.

Чи Мэй усмехнулся:

— Наверное, думаешь о своей женушке Байхэ, надеешься поскорее с ней встретиться?

— Байхэ — женщина нежная и благородная, разве гоже тебе ее попусту обсуждать? — стоило зайти речи о Байхэ, как в Тао Шаньцзэ проснулся боевой дух, и он во что бы то ни стало решил отыграться.

— Ладно-ладно, лучше запомни свои слова. Когда она высосет из тебя всю ци и жизненные силы, я за это отвечать не стану, — Чи Мэй развел руками.

На лице Тао Шаньцзэ промелькнуло смущение, и он пробормотал:

— Заткнись лучше. Кроме тебя, я здесь других желающих высосать мои силы пока не встретил.

У меня вечно возникает вопрос: читают ли вообще эту историю маленькие ангелочки? Почему комментарии застряли на первой главе? Мы тут вроде не башни из кирпичей строим, ха-ха-ха.

Ингредиенты

Чи Мэй нёс готовые блюда в главный зал и по дороге из любопытства заглянул под крышку, чуть не вырвав на месте.

Благодаря кулинарным талантам Тао Шаньцзэ, у него теперь были весьма высокие требования к еде, и он мог смириться даже с какими-нибудь потрохами, лишь бы те были приготовлены умелым мастером.

Однако то, что лежало в этой тарелке, казалось невообразимой смесью: не то человек, не то нечто человекоподобное, но и на других животных вовсе не похожее. Сверху плавала какая-то мутная фиолетовая жижа, явно добытая не в мире людей, а из какого-то загадочного барьера.

Если кто-то утверждал, что сталкивался с явлением призрачных кругов, когда ноги водят по одному и тому же кругу, то это неизменно означало столкновение с барьером. Барьеры существовали повсюду и служили ключом к самым невероятным явлениям. Взять хотя бы мир Ляочжая, в который попал Тао Шаньцзэ — он тоже представлял собой разновидность барьера.

Но ляочжайский барьер был особенным. Чи Мэй являлся посланником и тоже застрял внутри него. Он неустанно искал тех, кто смог бы вывести его наружу, но надежда угасала раз за разом — пока не появился Тао Шаньцзэ, с первого же взгляда поразивший его в самое сердце.

Этот ключ наконец-то подошел к нужной замочной скважине.

— Кажется, у местных гостей весьма специфические вкусы, — Тао Шаньцзэ зажал нос и подтолкнул Чи Мэя идти быстрее. — Змеиный демон только что говорил, что сюда пожелует Божество в Золотых Доспехах, неизвестно еще, чем это обернется. Эти ёкаи могут не распознать в нас чужаков, но вот божество — не факт. Давай-ка лучше уйдём отсюда до его появления.

— Как уйти? — Чи Мэй смотрел на замочную скважину со всё возрастающей радостью. Каждая черта этого парня была создана точно по его вкусу, даже запах его тела напоминал его собственный. С первого взгляда было очевидно, что они созданы друг для друга.

Чи Мэй думал о том, что, оказавшись в реальном мире, он непременно вцепится в него мёртвой хваткой и не оставит ни единого шанса ускользнуть, чтобы их зыбкая двусмысленность наконец принесла свои плоды.

— Пока не знаю, будем действовать по обстоятельствам, — Тао Шаньцзэ был вынужден

уступить. Стоило им встретиться взглядами, как ему показалось, что что-то не так: Чи Мэй смотрел на него точно так же, как богатые гости смотрят на танцовщиц в борделе. — Чего ты на меня так уставился? Я вообще-то твой муж, у тебя совесть и манеры есть?

Сегодня уже слишком поздно, глаза слипаются от усталости, главу дописать не успею, напишу завтра, ха.

Захват

Главный зал с резными балками и расписными окнами сиял золотом, в чем-то напоминая дневной Мэйжэньфан, но всё же разительно от него отличаясь. Помимо снующих повсюду чудовищ, здесь царил куда более чувственная и расслабленная атмосфера.

Обычные люди, посещая подобные заведения, всё же скованы какими-то этическими нормами. Даже предаваясь плотским утехам, они уединяются в покоях, четко разделяя продажных юношей и шлюх, и не смеют нарушать чужих границ.

Здесь же царил сплошной балаган: нечисть не стеснялась никого, самые безумные сочетания сменяли друг друга безо всяких правил, прямо на глазах у всех, да еще и устраивали состязания...

На мгновение Чи Мэй почувствовал себя так, будто попал в документальный фильм о дикой природе, и покосился на Тао Шаньцзэ. Тот в этом мире потерял память, и единственным его опытом оставалась близость с ним самим. Он был донельзя наивен: щеки пылали алым, кончики ушей казались готовыми сочиться кровью, а взгляд он вжался в пол, полностью растеряв тот задор, с которым трепал ему нервы днем.

— Муж мой, разве ты не говорил, что хочешь и мужа, и наложниц в придачу? Что же ты, не хочешь найти кого-нибудь здесь? Можешь поучиться новым позам, глядишь, пригодится, — подлил масла в огонь Чи Мэй, решив, что настало время повисить его образованность.

В ответ Тао Шаньцзэ наградил его выразительным закатыванием глаз:

— Заткнись, не забывай про супружеский долг.

— Слушаюсь, муж мой, как скажешь, — Чи Мэй отвесил поклон и расставил блюда по номерам на столике у крысы-демона. Как раз в этот момент послышалось, как крыса обсуждает с сидевшим рядом духом вопросы перерождения.

— Королева царства Даюэ вот-вот разрешится от бремени, и все духи и демоны только и думают о том, как бы переродиться в принца. Но разве стать принцем так просто? Для этого нужно накопить немало добродетели в прошлых жизнях да еще и претерпеть немало страданий.

Чи Мэй наострил уши и попутно поправил расставленные тарелки.

Сидевший рядом ёкай произнес:

— Я как раз собираюсь спуститься в мир смертных для закалки духа, нет ли какого верного способа заполучить место принца?

— Раз уж я заговорил об этом, способ, конечно, есть. В трех тысячах миров любая нечисть может обрести просветление и стать Буддой, так что занять место принца — пара пустяков. Нынче ночью представится отличный шанс: пожалует Божество в Золотых Доспехах. Если удастся завоевать его благосклонность и замолвить словечко, чтобы он вписал нужное имя в Книгу Перерождений, это место никому другому не достанется.

Сидевший напротив демон спросил:

— И что для этого нужно?

— Больше всего на свете он ненавидит людей, преступающих законы и мораль, особенно тех, кто вступает в связь с призраками. Я слышал, что на экзамены в столицу направляется один смертный по имени Тао Шаньцзэ. Он понятия не имеет, что его преследует женщина-призраком, если схватить его... тогда у нас появятся все козыри на руках.

Стоявший неподалеку Тао Шаньцзэ внезапно вздрогнул и чуть не рухнул на пол.

Примечание: Божество в Золотых Доспехах — персонаж из оригинального текста главы «Стена с росписями».

Осторожно

— Между миром живых и миром мертвых пролегает четкая граница, и нам не попасть в мир смертных, как же его схватить? — выпив целый кувшин вина, поинтересовался демон.

— В момент их соития часть иньской энергии женщины-призрака проникнет в тело Тао Шаньцзэ. В ту самую секунду откроется подобие двери, и у нас появится шанс проскользнуть внутрь.

Оба демона продолжали о чем-то шептаться, но Чи Мэй уже закончил сервировку, и задерживаться дольше было нельзя. Он крепко схватил Тао Шаньцзэ за руку и поспешно увлек его прочь.

Завернув за угол, Чи Мэй прижал Тао Шаньцзэ к стене. Тот стоял бледный как полотно, ноги больше не держали его, и ему приходилось опираться на Чи Мэя, чтобы унять дрожь.

— Что они имели в виду? Ты что, женщина-призрак? Вот почему нечисть здесь не считает тебя человеком?

Чи Мэй искренне восхищался бурной фантазией Тао Шаньцзэ. Тот потерял не только память, но, кажется, и остатки рассудка.

— Муж мой, из двух слов женщина-призрак к моей персоне не относится ни одно. Неужели эта Байхэ настолько тебе дорога, что ты готов защищать ее при каждом удобном случае?

— Байхэ не такая, — выдал Тао Шаньцзэ стандартную фразу любого мерзавца, оправдывающегося перед лицом лицемерной стервы, отчего Чи Мэй на секунду почувствовал себя так, будто участвует в съемках мыльной оперы.

— Ладно, раз так, верь ей и дальше, позволяй этим уродам себя схватить, — Чи Мэй развел руками.

Тао Шаньцзэ тут же вцепился в полу его одежды.

— Если ты не призрак, значит, мы в одной лодке, наша судьба теперь связана, мы обязаны отсюда выбраться.

— Муж мой прав, мы не просто в одной лодке, мы делим одно ложе, так что помогать друг другу — наш долг, — с улыбкой произнес Чи Мэй, однако в глубине его глаз затаился ледяной холод.

В этот момент мимо прошел ёкай с бросающимися в глаза рожками на голове — судя по всему, монстр с крайне обостренным обонянием. Тао Шаньцзэ занервничал.

Они приближались. Забыв обо всем на свете и страшась, что тот учует его запах, Тао Шаньцзэ резко подался вперед и прямо наотмашь поцеловал Чи Мэя.

Лицо Чи Мэя неожиданно оказалось совсем близко. Губы у него были мягкими, от него пахло знакомым ароматом травы. Ощущение переплетающихся губ и зубов казалось до боли родным, и они отстранились друг от друга лишь тогда, когда чудище удалилось на безопасное расстояние.

Тао Шаньцзэ тяжело и прерывисто дышал, в то время как Чи Мэй выглядел совершенно невозмутимым и спокойным.

Теперь Тао Шаньцзэ чувствовал себя ходячим разведчиком под прикрытием, чья жизнь могла оборваться в любой момент от малейшей оплошности.

— Что ты знаешь о принце Даюэ? Действительно ли можно изменить чужую судьбу? — спросил он.

— Трудно сказать. Но я только что слышал, что кандидатура принца в Даюэ уже давно предрешена, и смертный этот займет свое место ровно тогда, когда исчерпает лимит испытаний, — ответил Чи Мэй. Слух демона позволял ему отлично улавливать обрывки шумных разговоров из главного зала.

— Смертный? Раз ведь достаточно просто позволить этому человеку благополучно переродиться, верно?

— По идее, так оно и есть. Но нынче ночью лучше вести себя осторожно, особенно тебе, муж мой. Если тебя обнаружат, я, твой сожитель, не сумею тебя спасти.

Байхэ

Внезапно донесся скрежещущий звук — кто-то волочил по полу тяжелый железный молот. Противный скрежет резал слух, и Тао Шаньцзэ поморщился. Чи Мэй тут же закрыл ему уши ладонями, резко сократив расстояние между ними, и приложил палец к губам, призывая хранить тишину.

— Есть здесь люди? — голос Божества в Золотых Доспехах прогремел подобно колоколу, и главный зал мгновенно затих, умолкла даже танцевальная мелодия.

— Нет, нет и в помине, — услужливо поддакнул мелкий бес.

Зрачки Тао Шаньцзэ сузились до точек, он отчетливо понимал, что это значит. Для божества они всё равно что аппетитное тушеное мясо, выставленное напоказ — стоит только вдохнуть воздух носом, и запах выдаст их с головой.

Божество в Золотых Доспехах волочило молот по полу, приближаясь к их укрытию всё ближе. Сердце Тао Шаньцзэ колотилось где-то в горле, он затаил дыхание, смертельно боясь оступиться этой ночью.

Они прятались за колонной у входа, и стоило божеству завернуть за еще один угол, как оно бы их заметило. Они замерли в ожидании, а в ладони Чи Мэя уже начал формироваться алый лотос.

Судя по всему, это место находилось на стыке Инь и Ян, а Чи Мэй проник в ляочжайский мир Тао Шаньцзэ вместе со своими воспоминаниями, из-за чего его магические силы оказались подавлены и действовали далеко не в полную силу.

Однако если случится непредвиденное, он не станет сидеть сложа руки — независимо от того,

был ли Тао Шаньцзэ тем самым избранным, способным пройти этот мир.

Время растянулось до бесконечности, пока шаги Божества в Золотых Доспехах внезапно не затихли.

— И вправду никого?

— Ну точно нет! Забредри сюда человек, наша братия давно бы его сожрала. К тому же, как смертный вообще мог сюда пробраться? — подобострастно залепетал мелкий бес.

Звук шагов начал удаляться. Тао Шаньцзэ с облегчением выдохнул, но вопросов стало только больше:

— Мы ведь и вправду не люди? Раз уж он божество, как он мог нас не распознать?

Чи Мэй глухо отозвался:

— Кто его знает.

Но в душе он тоже засомневался. Тао Шаньцзэ был прав: с какой стати даже божество не смогло их различить? Сам он был божественным зверем Бай Цзэ и, разумеется, человеком не являлся, но вот имя Тао Шаньцзэ значилось в реестре подземного мира судей Яньло — его судьба была расписана по пунктам, так что ситуация выглядела странной.

Зал тут же ожил вновь, все принялись обсуждать новости о принце. Слухи полностью совпадали с тем, что удалось выяснить Чи Мэю: кандидатура будущего правителя уже утверждена, и остальным демонам оставалось лишь облизываться.

Божество пробыло в зале меньше времени, чем требуется, чтобы выкурить полпалочки благовоний, после чего исчезло, а зал снова погрузился в развратную атмосферу Мэйжэньфана.

Чи Мэй велел Тао Шаньцзэ спрятаться в углу, а сам отправился на разведку, но тот упрямо покачал головой:

— Что это за позор? Как я могу позволить тебе идти на передовую одному — разве что ты не человек.

Раз уж Тао Шаньцзэ заговорил об этом, Чи Мэю пришлось согласиться. Ёкаи не стеснялись в выражениях, и общим итогом их разговоров стал план убить того смертного, которому суждено переродиться в принца.

В таком случае время беременности королевы затянется, и у них появится больше времени на поиски Тао Шаньцзэ.

— На нем стоит защитная печать, как его убить? — поинтересовался Чи Мэй у окружающих между подачей блюд.

— Эх, ничего-то ты не понимаешь. Пока он остается смертным, сгодится обычное лезвие, ведь люди куда страшнее любых демонов, — ухмыльнулся ёкай. — С этим запросто справится любой горный разбойник.

Чи Мэй поддакнул с дежурной улыбкой и бросил косой взгляд на Тао Шаньцзэ.

Тот смотрел на всё с безразличностью. Обернувшись, он сквозь узорчатую оконную решетку взглянул на небо снаружи: ночь выдалась донельзя долгой, густая чернота казалась непроницаемой.

В Мэйжэньфане царил разгул и пьянство, пьяные чудища затаскивали наверх самых разных людей. Тао Шаньцзэ чувствовал, что предел его терпения близок — останься он здесь еще хоть немного, и он не ручался, что сохранит рассудок.

— Господин, пойдёте наверх...

Раздался нежный голос, и изящная женская ручка обвилась вокруг его руки.

Тао Шаньцзэ всем телом похолодел, а когда разглядел пришедшую, и вовсе окаменел — она смотрела на него с сияющей улыбкой.

Тень

В голове Тао Шаньцзэ вихрем пронеслись слова тех ёкаев, которые обсуждали, как она высасывает его ци.

Неужели то, о чем они шептались, правда, и Байхэ вовсе не человек?

— Как ты сюда вошла? — Чи Мэй бросился перехватить руку Байхэ, но пальцы прошли прямо сквозь нее насквозь, сам же Чи Мэй вдруг стал прозрачным.

Тао Шаньцзэ в этот момент тоже перестал видеть Чи Мэя и растерянно шарил глазами по сторонам в его поисках.

— Молодой господин, если мы не поднимемся наверх, будет поздно, — нежно проворковала

Байхэ. Со стороны это выглядело так, будто к нему ластится обычная куртизанка из Мэйжэньфана, но приблизившись к его уху, она бросила на него суровый взгляд: — Если они обнаружат, что вы человек, добра не ждите.

Тао Шаньцзэ вздрогнул всем телом:

— Что происходит?

Если Байхэ человек, то как она вообще сюда попала? Если же нет — оставалось лишь догадываться, что с ним станет, если он последует за ней.

— Молодой господин, медлить нельзя, после рассвета барьер закроется, и вы уже не вернетесь назад, — голос Байхэ зазвучал торопливо, а шепот сопровождался неожиданно грубой силой.

Позволяя ей поддерживать себя, Тао Шаньцзэ шаг за шагом поднимался по лестнице, однако, сделав три шага, он все же оглянулся в надежде отыскать Чи Мэя.

Непостижимым образом именно Чи Мэй казался ему куда более надежным.

Но в кишасщем гостями главном зале, где звонко чокались чашами, не было ни единого следа Чи Мэя.

Амулет на его груди слегка нагрелся, Байхэ продолжала торопить, и все происходило пугающе натурально.

Что же ему делать? Остаться внизу в ожидании возвращения Чи Мэя или последовать за Байхэ навстречу неизвестности?

Князь призраков

Глаза Тао Шаньцзэ неприятно закололо, появилось даже жжение — последнее время это случалось часто, но стоило ему встретить Чи Мэя, как все симптомы отступали. Теперь же, лишившись возможности видеть его, он поддался настойчивому рывку Байхэ, и его тело неожиданно словно расплавилось от слабости, лишив способности сопротивляться.

То, как именно Байхэ оказалась здесь, оставалось загадкой. Едва они поднялись наверх и она собралась толкнуть дверь комнаты, Тао Шаньцзэ уперся руками в косяк:

— Зачем ты меня сюда притащила?

— Молодой господин, это не мир людей, я увожу вас отсюда, — в голосе Байхэ исчезли всякие

нотки кокетства, прозвучав сурово и решительно.

Однако Тао Шаньцзэ всё еще помнил рассказы тех мужчин о женщинах-призраках, и Байхэ подходила под это описание лучше всех.

Он попытался высвободить руку, но ладони словно намертво прилипли друг к другу. Байхэ пристально посмотрела на него:

— Поверьте мне, молодой господин.

В этот момент в голове Тао Шаньцзэ вновь промелькнул образ Чи Мэя. Скажи те же слова он, Тао Шаньцзэ последовал бы за ним без малейших сомнений — от Чи Мэя исходила какая-то божественная сила, способная вытянуть его из любой беды и принести долгожданное успокоение.

Но когда те же слова слетали с уст Байхэ, всё казалось жутко странным.

— Чи Мэй всё еще здесь, если уходить, то только вместе, — собравшись с духом, произнес Тао Шаньцзэ.

— Молодой господин, вы и сейчас думаете о Чи Мэе? Стоит нам перешагнуть этот порог, и мы вернемся домой, а он не человек, у него свои способы выбраться, — Байхэ не отпустила его руку и попыталась силой оторвать пальцы, вцепившиеся в дверной косяк, разгибая их по одному.

Слово «не человек» кольнуло Тао Шаньцзэ в самое сердце:

— А ты? Ты сама-то человек?

Байхэ неожиданно умолкла.

В этот же момент из главного зала потянуло отчетливым запахом паленого мяса. Этот смрад напоминал ошипанную курицу, с которой даже не удосужились смыть кровь — отвратительная тошнотворная вонь поплыла вокруг.

— Беда, они начали варить мясо, — лицо Байхэ помрачнело, а от ее тела повалили клубки черного дыма, полностью окутавшие Тао Шаньцзэ. — Похоже, нам придется ждать до рассвета.

Байхэ отлично знала это место. Бормоча себе под нос какое-то заклинание, она укутала в черноту и самого Тао Шаньцзэ.

Этот слой темной дымки защитной пеленой обволок его с ног до головы, и Байхэ потащила его вниз. Но в главном зале все вокруг переменялось.

Привычная картина пиршества исчезла. Люди сидели рядами, точно зрители перед театральной сценой, а ёкаи чинно сложили руки на коленях. Прямо перед ними возвышался огромный чан, способный вместить трех-четырех человек, в котором всюду булькали пузыри — именно оттуда исходил источающий жар пар.

Что пугало еще сильнее, так это груды человеческих тел, сваленных у котла словно дрова для кухонной печи. Руки и ноги настолько переплелись между собой, что уже невозможно было сосчитать, сколько именно людей там находилось.

Уже знакомый по кухне древесный дух методично швырял человеческие трупы в котел. Стоило телам оказаться внутри, как кости мгновенно разваривались до полного исчезновения, а бульон становился всё более густым и вязким.

Тао Шаньцзэ изо всех сил старался не вырвать, но этот запах въелся в самую плоть — даже откопанные из земли разложившиеся мертвецы не падали столь омерзительно. Сидевшая вокруг нечисть меж тем пребывала в каком-то безумном экстазе, жадно подавшись вперед, чтобы в полной мере насладиться этим зловонием.

Если это и можно было как-то описать, то перед ним лежала самая настоящая картина ада. Те, кто при жизни накопил дурную карму, после смерти принимали кару посланников подземного мира: их тела расчленяли на части, используя в качестве топлива для поддержания пламени в преисподней.

По спине Тао Шаньцзэ пробежал леденящий порыв ветра, и его затрясло в ознобе. Теперь они с Байхэ сидели в самом дальнем углу, и когда сидевшие впереди ёкаи завели разговор о том, как будут делить между собой этот суп, его снова затошнило.

<http://bllate.org/book/22407/2352264>